

М. А. Цявловский

СУДЬБА РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ПУШКИНА

Пушкина нужно отнести к числу тех писателей, судьбу рукописей которых можно признать в общем благополучной. Конечно, не всё написанное великим поэтом дошло до нас. Больше того: мы даже не можем точно определить, сколько рукописей не сохранилось. Но во всяком случае можно, мне кажется, с уверенностью утверждать, что большая часть рукописей Пушкина теперь находится в наших центральных государственных архивохранилищах, составляя воистину неоценимое сокровище, своего рода «алмазный фонд» нашей культуры.

Но к этому благополучному состоянию рукописи пришли после сложной, чреватой всякого рода случайностями, истории.

Все рукописи поэта в отношении их судьбы нужно разделить на две категории. К первой категории относятся рукописи, разошедшиеся еще при жизни Пушкина по частным лицам и учреждениям, ко второй — рукописи, оставшиеся у поэта до дня его смерти. К рукописям первой категории относятся прежде всего письма Пушкина и официальные документы, по природе своей предназначенные с момента своего рождения разойтись по многим владельцам. В настоящее время известно до восьми сот писем поэта, адресованных более чем к ста шестидесяти лицам. Все эти письма, пройдя через сотни владельцев, теперь собраны Пушкинским Домом Академии Наук, Публичной Библиотекой Союза ССР им. Ленина, Публичной Библиотекой РСФСР в Ленинграде, Централхивом, Государственным Литературным Музеем в Москве и другими государственными учреждениями. В частных руках остается всего несколько писем.

Менее сложную историю имели официальные документы (прошения, расписки и т. п.), подшивавшиеся в соответствующие «дела» и по истечении известного срока сдававшиеся в архивы.

Аналогичное с письмами и документами назначение имели и посылавшиеся и отдававшиеся поэтом редакторам и издателям перебе-

ленные для изданий тексты его произведений. Вероятно, большинство этих рукописей было не автографы, а копии, выправленные поэтом. Но как бы там ни было, эта категория рукописей погибла почти полностью. Из рукописей, по которым в типографии производился набор, сохранилось лишь две («Стихотворения Александра Пушкина», ч. III, 1832, и «История Пугачевского бунта», 1834).

Слава Пушкина, как первого поэта страны, естественно, вызывала сильнейший интерес к его автографам. Не говоря уже о друзьях поэта, любовно хранивших полученные ими рукописи, многие знакомые желали иметь «на память» автограф Пушкина. Расхождение такого рода рукописей началось с самого начала поэтической деятельности Пушкина. Первыми собирателями его автографов явились товарищи его по лицейю. Один из них, кн. А. М. Горчаков (впоследствии канцлер) сохранил альбомчик с записью Пушкина 1811—1812 гг. и автографы восьми его произведений.

У другого лицейского товарища — М. Л. Яковлева было минимум двенадцать автографов.

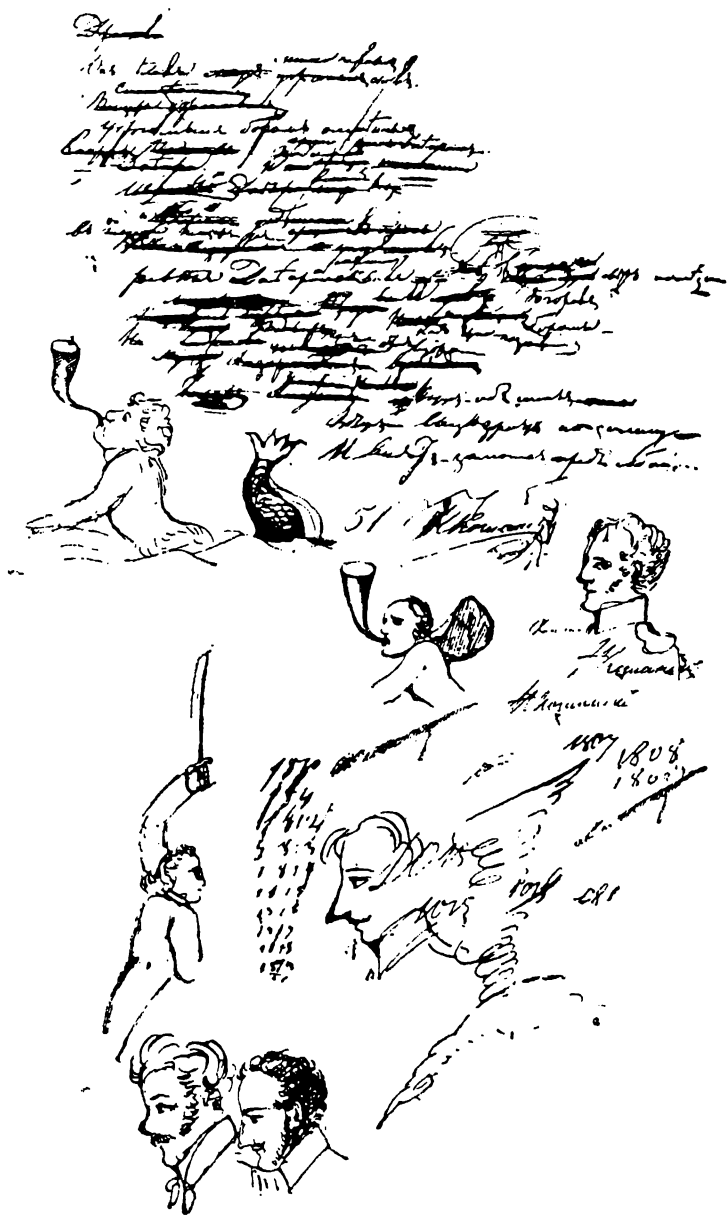
С течением времени число лиц, владевших рукописями Пушкина, быстро росло. Сколько их было ко дню смерти поэта, неизвестно. По имеющимся у меня сведениям, число таких лиц превышало сто. Все имевшиеся у них автографы, за ничтожным исключением, сосредоточены в тех же центральных архивохранилищах, в которых хранятся и письма поэта. У частных лиц имеется, вероятно, не более десяти автографов.

Разошедшиеся по частным лицам при жизни поэта автографы его в подавляющем большинстве были беловые рукописи. Черновые, «творческие» рукописи поэта, как правило, оставались у него.

В день смерти Пушкина (29 января), «спустя $\frac{3}{4}$ часа после кончины», как писал Жуковский, после того, как «тело вынесли в ближнюю горницу», он, по приказанию царя, «запечатал кабинет своею печатью». Лишь 7 февраля кабинет был распечатан и «все принадлежавшие покойному бумаги, письма и книги в рукописях собраны, уложены в два сундука и запечатанными перевезены в квартиру д. с. с. Жуковского, где и поставлены в особенной комнате»¹.

В течение шестнадцати дней начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт при участии Жуковского, игравшего довольно значительную роль «понятого», производил с жандармскими писарями сначала предварительный разбор, сортировку и монтировку рукопи-

¹ «Журнал, веденный при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина». Привожу по экземпляру, принадлежавшему Жуковскому и теперь хранящемуся в Пушкинском Доме Академии Наук.

Рисунки Пушкина. Страница из рукописи «Руслан и Людмила», 1818 г.

сей Пушкина, затем их просмотр. Всё это производилось в первую очередь в интересах сыска, что явствует хотя бы из того, что, после того как разбор рукописей был закончен, Дубельт прежде всего обратился к чтению писем давно бывшего на подозрении у жандармов кн. П. А. Вяземского, затем казненного Рыльева, декабриста Кюхельбекера, умершего, но в свое время бывшего на плохом счету, Дельвига и, наконец, самого Жуковского. Совершенно ясно, что Дубельт в сущности производил своего рода «посмертный обыск» у Пушкина.

В результате работы жандармов оказалось, что из кабинета Пушкина были привезены к Жуковскому рукописи поэта трех родов: переплетенные тетради и альбомы, несшитые в тетради пачки листов и отдельные листы.

Самыми замечательными, специфически «пушкинскими» черновыми рукописями являются его «рабочие» тетради. Первой их особенностью является необыкновенная пестрота и разнообразие содержания. Конечно, свои тетради разумел Пушкин, когда писал об альбоме Онегина:

В сафьяне, по краям окован,
Замкнут серебряным замком,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

Тетради Пушкина красноречиво отражают «многотемность», «многоплановость» писаний Пушкина. Части больших произведений перемежаются со строфами «Евгения Онегина», наброски стихотворений перебиваются черновиками писем, отрывки художественной прозы находятся в соседстве с записями автобиографического характера. На многих страницах находим пометы, «тайной думы письмена», разгадыванием смысла которых занято было не одно поколение пушкинистов. Наконец, разбросанные на более чем 450 страницах от 1 500 до 2 000 рисунков поэта придают этим тетрадям то великое своеобразие и волнующую выразительность, которые позволяют почувствовать живого, творящего Пушкина.

Сплошь и рядом тетрадями Пушкин пользовался не планомерно, систематически заполняя под ряд страницу за страницей, а в разбивку. Поэтому имеющиеся в тетрадях тексты разделяются на группы

x ^{вспомогательная}
^{применяется} ^к ^{этим} ^{примечаниям} ^{сказ-}
^{ка} ^{было} ^{сделано} ^в ^{этом} ^{случае}
^в ^{рукописи} ^и ^в ^{других} ^{местах}
^с ^{ссылками} ^{на} ^{эти} ^{места}

^и ^в ^{этом} ^{случае} ^{кажется} ^{что}
^{некоторые} ^{из} ^{этих} ^{примечаний}

^{примечания} ^и ^{иногда} ^в ^{рукописи} ^и ^{иногда} ^в ^{других} ^{местах} ^и ^{иногда} ^в ^{других} ^{местах} ^и ^{иногда} ^в ^{других} ^{местах}

Рисунки Пушкина. Страница из рукописи «Кавказский пленник»

более или менее одновременно сделанных записей. Всё это чрезвычайно осложняет хронологию текстов, и до сих пор мы ещё не имеем полной и точной картины изумительной работы великого поэта¹.

Таких черновых рабочих тетрадей ко дню смерти Пушкина у него было шестнадцать. Тринадцать из них Дубельт увез к Жуковскому, а три малого формата как-то не доглядели жандармы. Одну из последних взял себе хозяйничавший, на правах члена опеки над малолетними детьми Пушкина, в его квартире Н. И. Тарасенко-Отрешков, пожертвовавший тетрадь в 1855 г. в ПБЛ². Две других тетради — записные книжки присвоил А. А. Краевский, ещё при жизни Пушкина работавший у него по «Современнику», а затем вошедший в состав редакторов последнего. В 1889 г., после смерти Краевского, и эти тетрадки поступили в ПБЛ.

Есть указание на то, что ещё в лицейские годы у Пушкина были черновые тетради, вероятно, самим поэтом впоследствии уничтоженные. Самая ранняя из сохранившихся тетрадей заведена была в лицее в январе 1817 г. (№ 2364 ЛБ)³. Задумав издать отдельной книгой собрание своих стихотворений, Пушкин решил списать в эту тетрадь те из них, которые он должен был показать Жуковскому как своему учителю. Это было событием в жизни лицейстов, и двадцать три из них решили принять участие в этом важном деле в качестве переписчиков. Из сорока одного стихотворения, списанных в тетрадь, лишь шесть переписаны самим Пушкиным.

Но очень скоро более или менее старательно переписанные в тетрадь беловые тексты стали превращаться в черновые: так значительно их стал переделывать Пушкин после прочтения тетради Жуковским, отметившим ряд стихов, как требующих исправления. Вероятно, не менее семи раз в течение двух с лишним лет обращался Пушкин к правке стихотворений в этой тетради, прежде чем переписать переделанные стихотворения в новую (не дошедшую до нас) тетрадь. Оставшимися в тетради чистыми листами Пушкин уже во второй половине 1817 г. стал пользоваться для творческой работы над новыми произведениями и в первую очередь над «Русланом и Людмилой».

Вторая тетрадь (размером в $\frac{1}{8}$ листа) заведена была 15 июня

¹ Работа над академическим изданием полного собрания сочинений Пушкина, с одной стороны, и над фототипическим изданием рукописей поэта и описанием рукописей Пушкина, хранящихся в ЛБ с другой, мы уверены, такую картину даст.

² Здесь и дальше ПБЛ означает Публичную Библиотеку РСФСР им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

³ Здесь и дальше ЛБ означает Публичную Библиотеку Союза ССР им. Ленина.

1820 г. на Кавказе, как значится на первой ее странице (№ 42 ПБЛ). Здесь имеется черновой текст «Кавказского пленника» и наброски ряда стихотворений 1820—1822 гг.

В Кишиневе были заведены три тетради (все в $\frac{1}{4}$ листа). Первая из них стала заполняться в конце 1820 г. (№ 2365 ЛБ). Начинается она «Кавказским пленником», затем идут черновики стихотворений, план «Гавриилиады», черновой текст которой, надо полагать, имелся на вырванных из тетради листах, наброски неоконченной комедии, план «Братьев разбойников» и разного рода записи.

Второй кишиневской тетрадью поэт пользовался вероятно с начала 1822 г. и в 1823 г. (№ 2366 ЛБ). Здесь имеются планы ненаписанной поэмы из древней русской истории «Царь Никита», черновики стихотворений и писем.

Третья кишиневская тетрадь (2367 ЛБ) первоначально предназначалась для сборника антологических стихотворений, открывающегося на первой странице заглавием: «Эпиграммы во вкусе древних». На внутренней стороне передней крышки переплета имеется эпитафия из Андре Шенье, позднее взятый Пушкиным для своей элегии, посвященной французскому поэту: «Ainsi triste et captif ma lyre toutefois s'éveillait»¹. Заведена тетрадь была в 1821 г., но пользовался ею поэт в разные годы до 1830 г., почему содержание тетради очень разнообразное: стихи, наброски критических заметок, «История села Горюхина», письма, заметки о деятеле Смутного времени Г. Г. Пушкине, набросок из «Арапа Петра Великого».

Очень оригинально происхождение следующих трех тетрадей. Приятель Пушкина по Кишиневу Н. С. Алексеев, как казначей в масонской ложе «Овидий», имел тетради (размером в лист) для бухгалтерских записей. Как полагалось, на передней крышке черного кожаного переплета этих тетрадей вытиснут масонский знак — буквы «OV» в треугольнике. Когда ложа 9 декабря 1821 г. была закрыта, Алексеев, очевидно, подарил эти тетради Пушкину. Было это, надо полагать, 27 мая 1822 г., так как эта дата стоит на внутренней стороне передней крышки переплета первой из масонских тетрадей (№ 2369 ЛБ). Но писать в ней поэт начал в 1823 г. Тетрадь эта замечательна тем, что в ней 28 мая 1823 г. начат «Евгений Онегин», а в начале 1824 г. — «Цыганы».

Вторая масонская тетрадь (№ 2370 ЛБ) стала заполняться уже в Одессе в мае 1824 г. В этой тетради начат «Борис Годунов», полной черновой рукописи которого не сохранилось.

¹ Не хоть и был я печальным пленником, все же моя лира пробуждалась.

Третью масонскую тетрадь Пушкин начал в Михайловском (№ 2368 ЛБ). В этой тетради имеются конец «Цыган» и строфы шестой и седьмой глав «Евгения Онегина». В первой половине ноября 1824 г., перевернув тетрадь верхом вниз, Пушкин стал заполнять последние листы записями сказок со слов Арины Родионовны. Такой прием для отделения текстов одного жанра от другого применялся Пушкиным неоднократно. Под впечатлением сказок Арины Родионовны поэт на внутренней стороне задней крышки переплета написал стихи: «У лукоморья дуб зеленый», впоследствии составившие пролог к «Руслану и Людмиле».

Следующая тетрадь (альбом в красном бумажном переплете; № 2371 ЛБ) была заведена в 1827 г., но начала заполняться разного рода текстами последовательно, страница за страницей, в 1828 г. Центральное место в тетрадях занимает черновой текст «Полтавы».

Для перебеленного текста поэмы была заведена специальная тетрадь (альбом в темном сафьяновом переплете; № 2372 ЛБ)¹, но перебеленный текст скоро превратился в черновой, а оставшиеся чистыми листы были использованы для разных записей.

В 1828 г. была заведена тетрадь (в малую $\frac{1}{8}$ листа) в коричневом мраморном переплете (№ 43 ПБА), которой пользовался поэт и позднее, в 1830—1833 гг. Здесь имеются строфы из седьмой главы «Евгения Онегина», стихотворение «На перевод Илиады», опыты перевода с испанского языка на французский, деловые записи, еврейская азбука и заметки о библиотеке Вольтера.

Выехав числа десятого марта 1829 г. из Петербурга в Тбилиси, Пушкин взял с собой толстую тетрадь в лист, которую и начал заполнять 15 мая в Георгиевске (первая арзрумская тетрадь; № 2382 ЛБ). Кроме черновика «Путешествия в Арзрум», в тетради имеются черновики стихотворений, вызванных поездкой в Закавказье, критических заметок, наброски художественной прозы и другие разнообразные записи. Всё это заносилось на страницы вразброд.

Следующей тетрадью является вторая арзрумская (№ 2373 ЛБ). Заполнялась она тоже беспорядочно в 1830—1833 гг. Здесь имеются черновики неоконченной поэмы о Газите и «Родословной моего героя», записи стихотворений Мицкевича, выписки из книг, наброски к «Пиковой даме». Больше двух третей листов остались чистыми.

Во время путешествия в Оренбург Пушкин взял с собой тетрадь (в малую $\frac{1}{8}$ листа; № 44 ПБА), в которой делал записи рассказов о Пугачеве, казачьих песен, дорожные заметки; тут же (с другого

¹ Этот альбом изображен на картине П. П. Кончаловского «Пушкин».

конца тетради) набросок стихотворения «В славной Муромской земле» (№ 44 ПБЛ).

В 1833—1835 гг. Пушкин писал в альбоме (с листами разноцветной бумаги), вырванном из переплета (№ 2374 ЛБ). Альбом заполнялся с двух концов (верхом вниз). Содержание альбома очень разнообразно: черновики стихотворений — «Французских рифмачей суровый судия», «Он между нами жил...», «Сват Иван, как пить мы станем...», «В поле чистом серебрится...», «Полководец» и др.; черновики «Медного всадника», «Анджело», «Сказки о золотом петушке», наброски к «Капитанской дочке», перевод из Вордсворта, план собрания сочинений¹.

Последней черновой тетрадью Пушкина является тетрадь в лист в бумажном переплете (№ 2384 ЛБ), начатая в 1833 г. Много страниц в тетради осталось чистыми. Первая половина тетради занята черновиком статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» (раньше называлась «Мысли на дороге»), затем идет черновик статьи «О ничтожестве литературы русской». В этой тетради — «Сцены из рыцарских времен», «Вновь я посетил...», «На выздоровление Лукулла». На последней странице — стихотворение «Я памятник воздвиг себе нерукотворный».

Кроме этих тетрадей, у Пушкина было еще три переплетенных тетради: альбом в черном бумажном переплете с текстом «Арапа Петра Великого» (№ 2378 ЛБ), тетрадь с выписками из французских книг и газет материалов для задуманной работы по истории Великой буржуазной французской революции (№ 2377 Б ЛБ) и дневник. Первые две тетради вошли в число рукописей, пожертвованных А. А. Пушкиным в Румянцевский Музей, дневник же поступил в ЛБ лишь в 1919 г.

Вторую группу рукописей, бывших в день смерти Пушкина в его кабинете, составляют двадцать шесть непереpletенных тетрадей: тринадцать тетрадей «Капитанской дочки» (№ 2381 ЛБ), три — статьи «Александр Радищев» (№ 2385 А, Б, В ЛБ) и десять — «История Пугачева» (№ 2390 ЛБ). Последние тетради представлялись царю, сделавшему на полях рукописи ряд замечаний и помет. Все эти тетради также вошли в число рукописей, поступивших от А. А. Пушкина в Румянцевский Музей.

К этой группе рукописей нужно присоединить и тридцать одну непереpletенную тетрадь с выписками Пушкина из «Деяний Петра

¹ Фототипическое воспроизведение этого альбома составляет первый выпуск издания «Рукописи Пушкина», предпринятого Пушкинской комиссией Академии Наук СССР.

Великого» Голикова. Девять из этих тетрадей неизвестно где и когда пропали, двадцать же две тетради хранились вместе с книгами библиотеки Пушкина сначала в подвалах казарм лейб-гвардии Конного полка, которым командовал П. П. Ланской, второй муж Н. Н. Пушкиной; затем сыном поэта Александром Александровичем ящики с книгами и рукописями были перевезены в имение Ивановское (Бронницкого уезда, Московской губернии), где и находились до 1866 г., когда были перевезены в имение Лопасню (под Москвой). Здесь в 1917 г. и был обнаружен ящик с рукописями, в числе которых оказались двадцать две тетради выписок Пушкина.

От владельца рукописей, внука поэта, ныне здравствующего Григория Александровича Пушкина, рукописи поступили к известному пушкинисту П. Е. Щеголеву, в свою очередь передавшему в 1924 г. рукописи в ПД¹.

Третью группу составляют рукописи в виде несшитых отдельных листов в обложках. Все они поступили от А. А. Пушкина в Румянцевский Музей, где были заинвентаризованы в виде семи архивных единиц.

Среди этих рукописей первое место по количеству листов (264) занимают «Материалы для Пугачевского бунта», почти все написанные рукой Пушкина (№ 2391 ЛБ). Описания этих материалов в печати не появлялось. Затем идут «Записки бригадира Моро де-Бразе (93 листа; № 2389 ЛБ), «Повести Белкина» (62 листа; № 2379 ЛБ), «О Камчатке» (17 листов; № 2388 ЛБ) и копии писем Петра I (4 листа; № 2388 Б и № 2399 В ЛБ).

Четвертую группу рукописей составляют отдельные листы, которые жандармы в целях сохранности сшили в тетради².

Таких тетрадей, поступивших в Румянцевский Музей от А. А. Пушкина, пятнадцать (в общей сложности до 800 листов)³. Все эти листы заключают в себе тексты 30-х годов.

Здесь имеются «Дубровский», «Путешествие в Арзрум», «Медный всадник», «Родословная моего героя», неоконченная поэма о Тазите. «Домик в Коломне», «Русалка», «Каменный гость», «Сказка о попе», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Моя родословная», «Скупой рыцарь», критические статьи, «Замечания на Слово о полку Игореве», «Египетские ночи», «История села Горюхина» и ряд стихотворений.

¹ Здесь и дальше ПД означает Пушкинский Дом Академии Наук СССР.

² Сшивка производилась механически: листы, исписывавшиеся Пушкиным один за другим, сшивались один в другой. В отдельных случаях сшивали очень грубо, прокалывая места рукописи с текстом.

³ По инвентарным номерам ЛБ это — №№ 2375, 2376 А, Б, В, 2377 А, 2380 I и II, 2383, 2386 А, Б, В, Г, 2387 А, Б, В.

~~1. Проходя по саду много раз бродил
 прохладно гуляя. Да и в это время
 был он не в саде. Бродил он в саду.~~

2.

2. Будет ли? Ох, ох, ох, ох, ох, ох, ох
 'Тогда уже он будет над нами кивать
 и в облаках судьбы будет и судьба
 Будет ли он будет —

Ком. Чандра неслось

Куда так и уходит бродит —
 Пробавит осяние. Да и в этом
 мне совсем будет будет будет будет будет будет

Страница из рукописи «Каменный гость» с рисунком Пушкина

Наконец, последнюю группу составляют отдельные листы, которые трудно было шить в тетради.

Эти отдельные листы в свою очередь делятся на две группы: листы, оставшиеся без красной нумерации, и листы, перенумерованные. Сколько было первых, сказать невозможно, трудно и сказать, сколько было листов перенумерованных. Последних было минимум 537, но возможно, что и 556.

В отличие от судьбы тетрадей, история отдельных листов очень сложна. Излагать ее здесь более или менее подробно не представляется возможным. Остановлюсь лишь на главнейших этапах странствий этих листов. У Жуковского, занимавшегося рукописями Пушкина в 1837—1840 гг., осталось не менее тридцати двух листов ненумерованных и не менее девяноста пяти нумерованных. Из последних, надо думать, тринадцать Жуковский раздарил разным лицам. Ненумерованные листы и восемьдесят два нумерованных после смерти Жуковского принадлежали его вдове, а затем сыну Павлу Васильевичу. Последний раздарил разным лицам и учреждениям из ненумерованных листков тринадцать, а из нумерованных — четырнадцать. Все остальные листы П. В. Жуковский в 1883 г. подарил своему приятелю А. Ф. Онегину (1844—1925), страстному собирателю всего относящегося к Пушкину. Из листов, полученных от П. В. Жуковского, Онегин подарил по одному листу двум лицам. В 1909 г. Академия наук приобрела все пушкинское собрание Онегина, пожизненным хранителем которого он оставался. В 1922 г. Советское правительство заключило с Онегиным договор, по которому подтверждалось, что музей Онегина является собственностью ПД, куда после смерти Онегина все его собрание весной 1928 г. и поступило.

С 1840 по 1850 г. рукописями Пушкина, оставшимися у Ланских, никто не интересовался, и лишь в 1851 г. Иван Вас. Анненков, близкий Ланским человек, заключил с Н. Н. Ланской договор, по которому она уступала Анненкову право издания сочинений поэта (всего за 5 000 руб.). К редактированию собрания был привлечен писатель Пав. Вас. Анненков, который и работал над рукописями в 1851—1853 гг.

По окончании работы Анненков сдал Ланским только переплетенные и сшитые тетради, большая же часть отдельных листов, как нумерованных жандармами, так и ненумерованных осталась у П. А. Анненкова и Ивана Васильевича, помогавшего брату в его занятиях.

У Анненковых осталось минимум тридцать пять ненумерованных листов, четыре клочка с наброском статьи о французской революции, одиннадцать клочков письма Пушкина к Геккерну и восемь писем

к Пушкину с его записями. Затем у них осталось двенадцать листов, вырванных из тетрадей и вынутых из пачек неспшитых листов, и, наконец, триста пятьдесят два нумерованных листа.

Семь вырванных из тетрадей листов и три нумерованных П. В. Анненков подарил своему знакомому, симбирцу, писателю Валерьяну Никаноровичу Назарьеву. Вдова и дочь Назарьева продали в 1931 г. эти автографы в ЛБ. Один листок Анненков подарил жене Фета — Марье Петровне Шеншиной. Вдовой ее племянника Н. С. Боткиной автограф был пожертвован в 1918 г. в ПД.

После смерти Павла Васильевича (8 марта 1887 г.) часть этих листов оказалась в ящике его брата Ивана Васильевича. После смерти последнего (4 июня 1887 г.) ящик этот принадлежал его сыну полковнику Ф. И. Анненкову (1843—1903), продавшему в 1899 г. рукописи, хранившиеся в ящике, профессору русской литературы в Петербургском университете Илье Александровичу Шляпкину (1858—1918), издавшему это собрание в 1903 г. в своей книге: «Из последних бумаг А. С. Пушкина».

После смерти Шляпкина это собрание (без одного листка со стихотворением «Ты просвещением свой разум осветил», неизвестно куда девавшегося) поступило в 1918 г. в ПА.

Всеми рукописями Пушкина, оставшимися у П. В. Анненкова, после его смерти владела вдова его Глафира Александровна, рожд. Ракович (1831—1899), проживавшая за границей. В одной из рабочих тетрадей (с копиями пушкинских текстов) П. В. Анненкова, привезенной в октябре 1888 г. Глафирой Александровной в Петербург, пушкинист П. А. Ефремов нашел четыре нумерованных листа рукописей Пушкина. И тетрадь Анненкова и оказавшиеся в ней автографы Пушкина Ефремов, по его словам, «взял себе». У него же оказались и два листа из листов, вырванных из тетрадей. После смерти Ефремова (1830—1907) все эти автографы принадлежали его племяннице С. А. Ефремовой, от которой поступили в ПД.

В июле 1897 г. в усадьбе принадлежавшего Г. А. Анненковой имения ее мужа при с. Чирькове (в 55 км от Симбирска) член Симбирской архивной комиссии Д. И. Сапожников нашел в сарае, среди заплесневелых и отчасти даже полусгнивших книг, шестнадцать нумерованных листков, проданных им Румянцевскому музею (ныне ЛБ).

Г. А. Анненкова имевшиеся у нее рукописи Пушкина передала академику Л. Н. Майкову, со второй половины 80-х годов работавшему по приготовлению к печати академического издания собрания сочинений Пушкина. Из рукописей, полученных от Анненковой, Л. Н. Майков подарил четыре листка: два листка Л. Ф. Пантелеву

и два в Пушкинский Музей Александровского лицея, откуда в составе всех собраний музея листки поступили в ПД. Один из листков Л. Ф. Пантелеев подарил Е. В. Тарле, а другой отдал в ПД.

Одиннадцать из листков, оставшихся у Майкова, оказались в его бумагах, поступивших после смерти академика в Библиотеку Академии Наук, откуда в 1931 г. они переведены в ПД. Всеми остальными рукописями Пушкина, принадлежавшими Л. Н. Майкову, владела его вдова Александра Алексеевна Майкова (1841—1915). Тринадцать нумерованных листов она подарила в. к. Константину Константиновичу Романову (1858—1915), по завещанию которого эти автографы в 1923 г. поступили в ПД.

Четырнадцатый листок Майкова подарила помощнику мужа в его работах по Пушкину, редактору академического издания переписки поэта Вл. Ив. Саитову. Последний подарил автограф кн. Олегу Константиновичу Романову (1892—1914).

Дальнейшая судьба этого автографа (черновика стихотворений «Труд» и «Кавказ») неизвестна. Пятнадцатый листок оказался в Русском Музее, откуда поступил в ПД. Кроме этих пятнадцати нумерованных листков Майкова в 1904 г. подарила два листа, вырванных из тетради, Николаю II. Листы эти оказались в его библиотеке, в Зимнем дворце и теперь хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Все остальные автографы Пушкина Майкова в 1904 г. принесла в дар Рукописному Отделению Библиотеки Академии Наук. В 1931 г. все это «майковское» собрание переведено в ПД, составляя здесь центральное ядро богатого собрания рукописей Пушкина, хранящихся в этом учреждении.

У Н. Н. Ланской, а затем у старшего сына поэта после работ над его рукописями Жуковского и Анненкова из отдельных листов осталось семьдесят шесть. Из них Александр Александрович подарил один листок педагогу Ф. Ф. Эвальду (1813—1879). Автограф этот в 1926 г. поступил в ПД. Все остальные листы вошли в число рукописей Пушкина, пожертвованных его сыном в Румянцевский Музей в 1880 г.

Такова история рукописей Пушкина в отдельных листах, оставшихся у Жуковского и Анненкова.

Обращаемся к основному фонду рукописей Пушкина — переплетенным и сшитым жандармами из отдельных листов тетрадям. Все эти тетради¹ после работ над ними И. В. и П. В. Анненковых были ими, надо полагать — в 1853 г., возвращены Ланским.

¹ О них см. стр. 120

Рисунок Пушкина к «Дому в Коломне».

По семейному разделу имущества между детьми Пушкина, состоявшемуся, вероятно, во второй половине 50-х годов, рукописи Пушкина, за исключением писем его к Наталье Николаевне, сделались собственностью старшего сына поэта Александра Александровича. Владел он этими рукописями более двадцати лет, никому из редакторов и биографов Пушкина их не показывая.

Только в 1880 г. тетради поэта были доставлены А. А. Пушкиным на выставку, устроенную Обществом любителей российской словесности в Румянцевском Музее. Тогда же, под влиянием настояний Петра Ивановича Бартенева и хранителя отделения рукописей Румянцевского Музея Алексея Егоровича Викторова (1827—1883), убеждавших А. А. Пушкина передать драгоценные рукописи его отца в государственное хранилище, Александр Александрович заявил, что он жертвует все имеющиеся у него рукописи Московскому Румянцевскому Музею.

Приобретя у А. А. Пушкина право публикации из рукописей всего, «что найдет в них нового», П. И. Бартенев ездил за ними в г. Козлов (Тамбовской губернии). С третьей книги «Русского архива» за 1880 г. Петр Иванович начал печатать неопубликованные Жуковским и Анненковым тексты Пушкина, имевшиеся в его тетрадях. По мере использования их Бартенев сдавал тетради в Румянцевский Музей. Принимал их А. Е. Викторов, давший рукописям инвентарные номера, под которыми они и известны в пушкиноведении, и составивший краткую опись их, напечатанную в «Отчете» Румянцевского Музея за 1879—1882 гг. (М., 1884).

С осени 1882 г. эти рукописи Пушкина стали доступны для всеобщего пользования, чем воспользовался В. Е. Якушкин, опубликовавший в «Русской старине» за 1884 г. подробное описание этих рукописей, составившее эпоху в пушкиноведении.

Из рукописей, хранившихся у А. А. Пушкина, одна — дневник поэта — не была им сдана в Румянцевский Музей. Ревниво хранимая сыном поэта в кабинете, под замком, в зеркальном шкафу, рукопись давалась немногим лицам.

После смерти (19 июля 1914 г.) Александра Александровича дневник принадлежал его сыну Александру Александровичу, а после смерти последнего (3 марта 1916 г.) — внуку поэта Григорию Александровичу. В начале революции дневник находился у родственников Григория Александровича, от которых только летом 1919 г. поступил в Румянцевский Музей (ныне ЛБ).

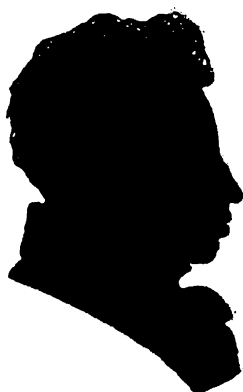
Спустя сто двадцать пять лет, истекших со времени появления в свет первого из дошедших до нас автографов великого поэта, они,

пройдя более чем через пятьсот владельцев, за ничтожным исключением, все в настоящее время национализированы, являясь собственностью государства.

Первое место среди собраний рукописей Пушкина занимает Публичная Библиотека Союза ССР им. Ленина. На втором месте стоит Пушкинский Дом Академии Наук СССР, собрание которого доходит до 800 автографов. Третье по значительности собрание рукописей Пушкина имеется в Публичной Библиотеке РСФСР им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Четвертое место занимает Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва) и пятое — Государственный Литературный Музей (Москва). Отдельные автографы имеются еще в государственных хранилищах Горького, Киева, Еревана, Харькова, Одессы и Воронежа.

За пределами Союза автографы Пушкина имеются в Париже, Авиньоне, Праге, Берлине и Риме.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937